М. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В РУССКОЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

В последней трети XVIII столетия интерес русского общества к музыкальному народному творчеству проявляется особенно активно, что находит отражение во всей художественной жизни и справедливо связывается исследователями с демократическими тенденциями в отечественной культуре.[1] Комическая опера, инструментальная музыка, публицистика, поэзия и драматическое искусство каждое по-своему преломляют это направление. Здесь рассматривается лишь один аспект проблемы, связанный со значением, какое имеют описания музицирующего народа и фольклорный музыкальный фон повествования в русской сентиментальной повести.

В сравнении с другими формами музицирования музыкальный фольклор представлен в повестях наиболее полно, выполняя ряд важных функций. Народная музыка, например, имеет репрезентативное значение, выявляя социальную принадлежность персонажей, или, точнее, сословное состояние героев, диктует выбор атрибутики элементов сопутствующего им быта, ограничивая его фольклором. Естественны ситуации, когда прекрасная пастушка поет «вечернюю песнь» («Софья» Г. П. Каменева), когда поселянин Колин «играет на свирелке» («Колин и Лиза»), хлебопашцы Роза и Любим проводят время в веселой пляске («Роза и Любим» П. Ю. Львова), когда крестьянские девушки водят «короводы» («Парамон и Варенька») или напевают что-то печальное («Даша, деревенская девушка» П. Ю. Львова), а бедная Лиза, мечтая о возлюбленном, слышит наигрыши пастуха («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина).[2]

Народная музыка сопутствует литературным героям из дворян, украшая их сельский быт и обнаруживая их пристрастие к простой деревенской жизни. Добрый и справедливый барин пляшет со своими благовоспитанными крестьянками («Роза и Любим»). Благородная девица, прогуливаясь вечерами, внемлет голосу пастушьей музыки («Евгений и Юлия» Н. М. Карамзина), юноша слышит наигрыши свирели ранним утром («Ростовское озеро» В. В. Измайлова), а молодой человек самостоятельно музицирует

---

[1] *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1953. Т. 2. С. 10—11. *Келдыш Ю. В.* Русская музыка XVIII века. М., 1965. С. 156—157.

[2] Муза. СПб., 1769. Ч. 1. С. 211; Вечера, еженедельное издание на 1772 г. 2-е изд. М., 1788. Ч. 1. С. 225; *Львов П. Ю.* Роза и Любим. СПб., 1790. С. 39; Муза. СПб., 1796. Ч. 1. С. 26; Новости русской литературы. М., 1803. Ч. 6. С. 352; *Карамзин Н. М.* Сочинения. 4-е изд. СПб., 1835. Т. 6. С. 11.

© М. В. Вознесенский, 1991

в народном стиле («Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьиных гор» В. В. Измайлова).[3]

Между тем сельский быт реальных российских помещиков не ограничивался одним только фольклором, и это не могло не найти своего отражения в рассказах. Невинная Юлия играет на клавесине «клопштокову песню» («Евгений и Юлия»), а провинциальный путешественник слышит вдали звуки охотничьих рогов («Обитатель предместия» М. Н. Муравьева).[4] Но таких случаев немного, и, как правило, в сентиментальной повести чаще идет речь о простонародной музыке.

Городская музыкальная культура (не только сама музыка, но и формы организации музицирования, характерные для городского быта) противопоставляются всему, что ассоциируется с разумной и умеренной жизнью деревенских философов. Это особенно заметно в произведениях, соединяющих в себе городские и сельские эпизоды жизни героев. Часть повести, рассказывающая о падении нравов и угрозе невинности, которую потенциально содержат в себе городские удовольствия, сопровождается такими атрибутами, как концерт и бал, а другая, демонстрирующая неизбежное в деревенской простоте и тени дубрав торжество моральных устоев, иллюстрируется «шумом реки и леса», «журчанием» ручейка, «веселием летающих птичек» («Юлия» Н. М. Карамзина).[5] Правда, именно в этой повести народная музыка не упоминается, но в прочих фольклорные элементы музыкального искусства включаются в аналогичное пейзажное обрамление. Интересно, что персонажи, которых их создатели наделяют поэтическим даром, рассуждая о своем творчестве, предпочитают не именовать его «лирой», что, по их мнению, с одной стороны, несколько нескромно, а с другой — ближе общекультурным и, следовательно, городским традициям. Более точная характеристика поэтического вдохновения деревенских литераторов содержится в сравнении его со «свирелью» («Российский Вертер» М. В. Сушкова).[6]

Появляясь на фоне зарисовки с натуры, народная музыка сообщает ей особую поэтичность. Без звуков свирели, без чуть слышных в вечернем спокойном воздухе удаленных голосов образы природы утратили бы немалую часть своей прелести. А вместе с этим потерял бы значительную долю привлекательности сельский быт, воспеваемый в повести, претерпела бы немалый урон тонкая художественная атмосфера рассказа.[7]

---

[3] *Львов П. Ю.* Роза и Любим. С. 41; Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. 18. С. 179; Приятное и полезное препровождение времени. М., 1795. Ч. 6. С. 309; Патриот. М., 1804. Февраль. С. 106.

[4] *Карамзин Н. М.* Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 183—184; *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 97—98.

[5] *Карамзин Н. М.* Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 68.

[6] *Сушков М. В.* Российский Вертер. СПб., 1801. С. 13.

[7] Поэтизация обыденности является одним из важнейших принципов сентиментальной прозы. См.: *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967. С. 46—47.

Роль народного музыкального творчества в системе художественных приемов и средств выразительности сентиментализма не ограничивается простой иллюстрацией событий. Она значительно глубже. Не стремясь преувеличить ее, отметим, например, что музыкальный фольклор далеко не случайный элемент в характеристике героев. Народная музыка помогает выявить образ мыслей, морально-этические принципы, эстетические критерии персонажей. Уже один только интерес героя повести к народной музыке характеризует его как человека, имеющего чувствительное сердце, не избегающего простых и мирных удовольствий. Здесь можно отметить аналогии с другим выразительным средством — характеристикой круга чтения сентиментального героя.[8] Чтение, изысканная беседа, неспешные прогулки в благоустроенном саду, неторопливые размышления, домашнее музицирование (предпочтительнее камерные жанры), любование пейзажем, в котором тонко разработаны и живописный, и звуковой (музыкальный) ряды, — все это включается авторами в досуг героя повести. Именно из таких оттенков и граней складывается образ сентиментального героя.

Вместе с тем описание в повести музицирующих крестьян несет важную смысловую нагрузку. Это связано со спецификой отношения российской дворянской культуры к творчеству народа. Данный вопрос представляет собой интерес, и потому рассмотрим его подробнее. Уточнение деталей необходимо, поскольку советское музыковедение обычно не углубляется в проблему бытования музыкального фольклора в дворянской среде, ориентируясь, скорее, на исследование собирательства песен и вопросы влияния народной традиции на творчество профессиональных композиторов.[9]

Народная музыка активнейшим образом функционирует в быту российского дворянства на протяжении всего XVIII столетия. Примеры тому многообразны и многочисленны. Но констатировать лишь это еще недостаточно. Для понимания значения музыкального фольклора в системе дворянской культуры важно также знать обстоятельства появления его в быту дворянского сословия, а потому перечислим некоторые характерные примеры. Мы можем встретить народную музыку на вечеринках в Петербурге в 1741 г. и в 1765 г., на съездах провинциальных дворян в Псковской губернии в 1752 г. и на балах в Киеве в конце века.[10] Народная

---

[8] *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 124, 127.

[9] *Келдыш Ю. В.* Указ. соч. С. 137—147; *Ливанова Т.* Указ. соч. Т. 1. С. 36—41; *Раабен Л. Н.* История русского и советского скрипичного искусства. Л., 1978. С. 26—28; *Музалевский В. И.* Русская фортепианная музыка. М.; Л., 1949. С. 36.

[10] Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. 2-е изд. СПб., 1821. Ч. 1. С. 48; Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича наследника престолу российского. СПб., 1844. С. 547; Записки Андрея Тимофеевича Болотова: 1758—1794. СПб.,

песня звучит во время застолий в Удинске в 1713 г., в Петербурге в 1725 г., в Москве в 1763 г. и в 1777 г. в Рогачевске.[11] Вслед за участниками дворянских празднеств музыкальный фольклор мог перемещаться из помещения на свежий воздух и был вполне уместен на уличных увеселениях Петровской эпохи, на летних гуляниях в Московской губернии в 1780-х гг. или на лодочных катаниях в 1794 г. в Сызрани.[12] Народная музыка оказывается приемлемой даже в структуре таких форм организованного музицирования, как домашний концерт, например в 1769 г. в одном из селений недалеко от Фридрихсгама или в конце века в петербургском дворце А. А. Безбородко.[13]

Уже из немногих перечисленных фактов можно заключить, что народная музыка занимала значительное место в дворянском обиходе, но это относится далеко не ко всякой народной музыке. В свидетельствах соотечественников в отличие от иностранцев не встречаются (за исключением отдельных намеков) упоминания о музицировании в кабаках или о песнях пьяных веселий; очень немного сообщений о причитаниях на похоронах, проводах или свадьбах.[14] Русских авторов из обрядной музыки интересует лишь та, которая связана с развлечениями, например с рождественскими славлениями.[15] Можно сделать вывод, что народная музыка рассматривалась русским образованным обществом преимущественно как составная часть веселий, но веселий благовоспитанных, облагороженных просвещением, вписывающихся в этикет российского дворянства.

Таким образом, можно говорить о выборочном восприятии сентименталистами народной музыкальной культуры или, во всяком случае, о тенденциях к такому избирательному восприятию; эта культура представала прежде всего как сфера выражения эмоций — либо веселья и радости, либо уныния и печали.

1871. Т. 1. Стб. 205—206; Записки Филипа Филиповича Вигеля. М., 1891. Т. 1. С. 60.

[11] *Ту-Ли-Чэнь.* Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. № 8. С. 111; Книга приходо-расходная карманных денег императрицы Екатерины Первой // Русский архив. 1874. № 3. Стб. 551; *Дашкова Е. Р.* Записки. Л., 1985. С. 65; Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске: 1752—1823. СПб., 1872. С. 169.

[12] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 111; *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 185; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Сочинения. СПб., 1895. Т. 2. С. 48.

[13] Путешествие ‹. . .› Александра Ильича Бибикова. . . // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3, отд. 2. С. 63; *Григорович И.* Канцлер князь Безбородко // Русский архив. 1877. Кн. 1, вып. 1. С. 38—39.

[14] *Данилов М. В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2, вып. 3. С. 27; *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 391—392; *Седерберг Г.* Бывшаго полкового священника ‹. . .› Заметки. . . // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1873. Кн. 2, отд. 4. С. 34.

[15] *Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895. С. 12.